В112 269

ГЕРОИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

ПОДРУГИ

ОИК
Ф ромб. б-ка

Б112 269

ГЕННАДИЙ ФИШ

ПОДРУГИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
1943

2-й экз

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

786798

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР О ПРИСВОЕНИИ ЗВАНИЯ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА СЕРЖАНТУ ВАРЛАМОВУ Н. Г., ЛИСИЦЫНОЙ А. М. и МЕЛЕНТЬЕВОЙ М. В.

За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство присвоить звание ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА с вручением ордена ЛЕНИНА и медали „ЗОЛОТАЯ ЗВЕЗДА":

1. Сержанту **ВАРЛАМОВУ** Николаю Гавриловичу
2. **ЛИСИЦЫНОЙ** Анне Михайловне
3. **МЕЛЕНТЬЕВОЙ** Марии Владимировне

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР
М. КАЛИНИН.

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль.
25 сентября 1943 г.

ГПИБ России
10065208

ОНИ — НАША ГОРДОСТЬ

Среди тех, кто, не щадя жизни своей, прославил имя Родины нашей — не мало советской молодежи, воспитанников славного Ленинско-Сталинского комсомола. Лиза Чайкина, Зоя Космодемьянская, Ульяна Громова, Иван Земнухов, Олег Кошевой, Сергей Тюленин, Любовь Шевцова и многие другие славные имена молодых патриотов с любовью и гордостью произносятся каждым советским человеком.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР присвоено звание Героя Советского Союза Марии Мелентьевой и Анне Лисицыной — воспитанникам организаций Ленинского коммунистического союза молодежи Карело-Финской ССР. Если бы кто-нибудь до войны поинтересовался био-

графиями молодых героинь, он не нашел бы в них ничего примечательного. Жизненный путь их — это путь сотен тысяч, миллионов советских юношей и девушек.

Мария Мелентьева родилась в 1924 году в селе Пряжа, Карело-Финской ССР. Восьми лет она поступила в школу, которую окончить не успела. Грозные июньские дни 1941 г. застают Марию на каникулах. К этому времени она окончила 9 классов. Райком ЛКСМ мобилизует ее в качестве санитарки для работы в полевом госпитале. Вначале работа в госпитале увлекает Мелентьеву. Она целыми сутками дежурит в палате, не отходя от больных, иногда оставаясь на дежурстве по две смены подряд. Однако через несколько месяцев Мария стала чувствовать неудовлетворенность своим положением. Она хотела быть на самых первых линиях борьбы, где обстановка была наиболее трудной, где преданность и любовь к Родине определяется только мужеством, только готовностью самопожертвования.

Мелентьева просится в партизанский отряд, просится на выполнение задания в тылу противника.

Аня Лисицына — уроженка Шелтозерского района Карело-Финской ССР. В 1938 году

она оканчивает восьмой класс и едет на курсы политпросветработников в Ленинград. Отечественная война застает Лисицыну за скромной работой сельского библиотекаря.

Весною 1942 г. комсомолку Анну Лисицыну вызвали в райком комсомола и сказали, что ей предстоит выполнить боевое задание в тылу врага. Не колеблясь ни одной минуты, Аня выразила согласие.

Обе девушки стали готовиться к выполнению своего священного долга перед страной. Их встреча была чистой случайностью, но не случайными были пути, приведшие молодых патриотов в ряды защитников Родины. Обе они носили в сердцах своих огонь священной ненависти к врагу, пламенную любовь к великой Родине-матери. Они сознавали, что бороться с фашистским зверьем, проникнув в его логово, — дело опасное. Но они смело брались за него.

Теплой летней ночью девушки, перейдя линию фронта, ушли в тыл врага. Два месяца они находились там, делая свое дело. Сейчас еще не пришло время подробно рассказывать о всем, что сделано во вражеском тылу комсомолками Марией Мелентьевой и Анной Лисицыной. Можно сказать лишь одно — они

блестяще выполнили задание, проявив при этом беспримерную отвагу и дерзость.

Когда задание было выполнено, девушки направились обратно. Шли по компасу в глубоком лесу, далеко огибая населенные пункты и дороги. Уже близка была линия фронта, уже слышна была винтовочная и пулеметная стрельба. Предстояло переправиться лишь через водный рубеж. Переправа была трудной. Плот, связанный девушками, разбило о камни. Тогда они разделись и бросились в воду, решив переправиться вплавь. На середине реки начала тонуть Анна Лисицына. Чувствуя, что теряет силы, она передала документы, которые несла нашему командованию, Мелентьевой и еще некоторое время пробовала плыть, но скоро поняла, что погибнет.

Холодное, властное чувство страха перед смертью сжало сердце девушки. По обоим берегам реки горели костры, около них грелись люди. Но эти люди были — враги. И крик, готовый вырваться каждое мгновенье, замирал при мысли о том, что задание партии будет сорвано, — услышав крик, финны схватили бы обеих девушек. Сознание долга победило страх перед смертью.

Добравшись до берега, Мария Мелентьева четверо суток бродила по лесу без одежды, голодная, добираясь до наших частей. На шестые сутки она настолько ослабла, что не могла стоять на ногах. Тогда, собрав последние силы, Мелентьева ползком добралась до расположения советских войск.

Простые карельские девушки совершили подвиг. Великий советский народ назвал их героями своей страны. Комсомольцы Карело-Финской республики гордятся подвигами отважных девушек.

Пусть каждый юноша и каждая девушка увидят в работе, которую они выполняют, возможность отдать все свои силы и помыслы для нашего общего дела так, как это сделали комсомолки Мелентьева и Лисицына.

Секретарь ЦК ЛКСМ КФССР
Ю. Андропов

ПОДРУГИ

1.

На третий день своего пути по лесу они дошли до родника, пробивавшегося, казалось, из-под самых корней старой ветвистой березы.

— Здесь было условлено, в дупле, — сказала Аня и подошла к дереву. Марийка стояла рядом, не отводя своих голубых глаз от подруги.

Аня вытащила из дупла сложенную, как конверт, бересту и развернула ее. Внутри лежала записка. Обе головы — Анина с гладкими, тонкими косичками, которые так смешно подпрыгивали, когда она играла в волейбол, и Марийкина, тоже светлая, но с подстриженными, завивающимися и точно всегда взлохмаченными волосами, склонились над запиской...

— Вот тебе и раз! — опечалилась Аня, прочитав две лаконичных строки...

Сказала она это по-вепски, но Марийка поняла ее разочарование. В записке была только одна фраза — «Нас здесь нет. Дома вас ждут».

Фраза эта означала, что партизанский отряд Ивана Власовича, который посылал девушек в длительную разведку в родное село Ани, оккупированное белофиннами — ушел в другие места. Это означало еще и то, что если девушкам удалось получить важные сведения, они должны были немедля доставить их через линию фронта к своим. А сведения действительно были очень важные. Аня и Марийка шли, радуясь тому, что они смогут точно по карте указать места, где расставлены орудия неприятельских батарей, что они точно знают расположение неприятельских гарнизонов в окрестных деревнях и их численность. Они поименно знали также и всех предателей в районе, и могли рассказать партизанам о тех жестокостях, которые в своем неистовстве совершили белофинны над их семьями. И, наконец, они несли подлинные документы финской администрации и командования. Сейчас еще не время рассказывать, как этим двум простым девушкам,

не успевшим даже закончить среднюю школу, — удалось добыть эти сведения и эти документы! Можно только сказать, что каждый день их «командировки», длившейся почти месяц, каждый час ее, каждая минута угрожали мучительной смертью... И вот теперь, после трех дней ходьбы по лесу, без еды, с одним только маленьким пистолетом, без карт,—они стояли у старой березы и перечитывали записку, предписывавшую им дальнейший одинокий путь. Отсюда, из глубокого финского тыла до линии фронта по прямой было восемьдесят километров. Но это только в геометрии прямая может считаться кратчайшей линией между двумя точками,—а на войне, особенно, когда приходится итти по густому лесу, пересекать топкое болото, вскарабкиваться на каменистую высотку, переправляться через быструю речонку — это не всегда так.

— Ну что ж, не будем засиживаться, пойдем, — сказала Аня и посмотрела на циферблат финского компаса, прилаженного, как часы, на правой руке.

— Пойдем, — повторила Марийка, — пусть Иван Власович не пожалеет, что отправил нас.

Иван Власович был учителем той школы,

в которой до войны училась Аня и еще совсем недавно он никак не мог подумать, что будет командовать партизанским отрядом, а его бывшая ученица — придет в отряд, как рядовой боец.

— Так я на вас рассчитываю, — сказал он, беседуя с девушками перед тем, как они вышли в «командировку».

— Помните партизанскую присягу? — спросил он комсомолок, и сердце его сжалось, когда он вдруг подумал о том, что станет с ними, если они попадут в руки врага...

— Лисицына, можно ли тебе доверить такое дело? — вдруг строго спросил Иван Власович у Ани, — дисциплина у тебя в школе хромала, к тому же ты никогда не сознавалась, когда не знала урока. Помнишь, я как-то спросил у тебя, где находится Красное море, а ты ответила:

— У нас в Карелии. Раньше оно называлось Белое, а после революции его переименовали, — и Иван Власович улыбнулся.

Марийка прыснула со смеху, а Аня покраснела.

— Так ведь то когда было! Я теперь взрослая, — через неделю восемнадцать стукнет...

После этого разговора прошло уже больше месяца — и сейчас, возвращаясь обратно, Ане было приятно думать, что Иван Власович будет доволен их работой.

— Я расскажу ему про нашу школу, — думала она, отмахиваясь от надоедливых комаров.

В новую школу, где совсем еще недавно училась Аня, сейчас прислали учителя из Финляндии. Учитель этот бьет детей линейкой по рукам и по ушам. Он избил Володьку Полубелова, который всего на два класса был моложе Ани. Он избил Вальку чуть ли не до полусмерти за то, что тот ответил ему на какой-то вопрос по-вепски.

— Про племя вепсов, — говорил в свое время Иван Власович, — наверное мало кто знает даже и в Москве, и от каждого из вас зависит прославить его на весь мир...

II

Очень легко об'яснить, как надо итти в лесу по азимуту, но самому проходить через густой осенний лес, когда каждый сучок норовит или хлестнуть по лицу или изорвать в клочья платье, когда надо прислушиваться к каждому шороху, таясь перебегать дороги, обходить стороной жилье, — очень сложно и

трудно. Особенно если за твоей спиной всего восемнадцать лет, и ты еще совсем недавно боялся оставаться один в темной комнате. А Ане еще не было восемнадцати лет, и еще совсем недавно она, возвращаясь вечером домой от подруги, с трепетом, словно за ней гналась нечистая сила, пробегала темный коридор, и с облегчением вздыхала, распахивая дверь освещенной комнаты. Но сейчас рядом ровным, размеренным шагом шла Марийка, и Аня, глядя на подругу, успокаивалась.

Они шли целый день без отдыха, на ходу грызли хрустящие на зубах сухари, которые казались им самым вкусным и изысканным яством.

Вокруг стоял пестрый карельский лес. Ровная гладь тихих прозрачных озер у берегов покрыта была золотым ковром облетевших листьев берез. Осины трепетали всем своим убором при малейшем дуновении ветерка. Хвоя елей казалась совсем темной, а стволы сосен — розовыми. Влажная, усыпанная листвой земля пахла поздними грибами. Серевший на валунах мох был совсем седым. На маленькой лужайке осанисто ходили два тетерева и важно поклевывали бруснику. Они даже не обратили внимания

на девушек. Подруги тоже изредка нагибались, чтобы на ходу сорвать горсть холодной и тяжелой багряной ягоды. Но останавливаться нельзя было: надо спешить. Шли они всю ночь и только перед рассветом часа на два забылись неуютным лесным сном. Спали полусидя, прислонившись спинами друг к другу, чтобы было теплее, потому что во время такого сна раньше всего холодеет спина.

Утром траву покрыл иней. Девушки шли дальше. Они радовались тому, что до сих пор все было спокойно и никто не пересек их пути. Над лесом стоял зыбкий утренний туман. Подруги пробирались, видя перед собой всего на несколько шагов. Солнце было уже высоко, когда туман разорвался, и Аня вдруг увидела, что они идут по совсем черной земле. Земля и стволы сосен были совершенно черные и только хвоя — оранжевая, цвета апельсиновой корки.

Это был тот самый лес, который в июле подожгли партизаны, чтобы выгнать белофиннов на дорогу. Всего в нескольких шагах от девушек быстро прошла, раздвигая кусты, лосиха с двумя телятами...

— Жаль, ружья нет!

— Все равно нельзя стрелять, — отозва-

лась Аня, но при мысли о жарепом мясе у нее засосало под ложечкой.

Потом земля стала мягкой. Следы быстро наливались водой.

Аня остановилась у ели перемотать портянки. И вдруг она услышала всплеск и легкий вскрик. Она быстро сунула ногу в тяжелый яловый сапог и поспешила вперед к подруге; перескакивая с кочки на кочку, она прошла метров тридцать и остановилась. Шагах в десяти перед ней в трясине барахталась Марийка. С каждой минутой она погружалась все глубже и глубже. Аня растерянно оглянулась, не зная в первый момент, что же делать, чем помочь. Увидав Аню, Марийка поднесла к шее руку и стала развязывать шнурок, на котором был кисет с бумагами, добытыми в финском штабе.

— Аня их доставит, — подумала Марийка.

Невдалеке стояло сухое, тонкое, мертвое деревцо.

Аня, уже не разбирая дороги, скользя по мшистым кочкам, падая и снова поднимаясь, подбежала к деревцу. Сухое дерево легко поддалось ее усилиям. Она притащила сухой и легкий сломанный ствол к тому месту, где все глубже завязала подруга. Трясина дохо-

дила Марийке уже чуть ли не до груди. Аня протянула ей деревцо. Марийка не могла до него дотянуться. Аня подтолкнула деревцо вперед.

— Клади его поперек! — закричала Аня.

— Тише ты! — негромко отозвалась Марийка и дотянулась, наконец, до сучковатого ствола. Упершись грудью на него, она подтянулась на руках и уже совсем изнеможенная выбралась из трясины. Когда Аня увидела, что подруга в безопасности, она сразу, как-то неожиданно ослабела, и, чтобы не упасть, прислонилась к колючему можжевеловому кусту.

Марийка, выйдя на сухое место, выжала свою юбку, и обе девушки двинулись дальше в путь.

— Это я в кино видела, как человек из болота спасся. Доску поперек себя положил. оперся на нее и выполз, — говорила Аня, останавливаясь около брусничной россыпи.

— Вот так я и с тобой сделала, — продолжала она, опрокидывая в рот полную ладонь вкусных, чуть горьковатых ягод.

— А ты так ловко с елкой управилась, — сказала Марийка, — как настоящий лесоруб. Ты кем собираешься быть? — спросила она вдруг и сама удивилась, что, познако-

мившись и подружившись в отряде, они об этом до сих пор не разговаривали.

— Я очень платья разные люблю, материи цветные, — хочу после войны в текстильный химический институт пойти, по окраске материй работать. А ты?

— Я? Я в позапрошлом году летчицей собиралась быть... Даже с парашютом прыгала... Потом решила, что буду морским капитаном... Но началась война... Мне еще два классса оставалось... Мы в Пряже жили... Я сначала хотела вместе с другими эвакуироваться, чтобы продолжать учиться. Но знаешь, в июле ребятишки играли на улице, копались в пыли — и вдруг налетели финские самолеты... Что тут было... Они из пулеметов стали расстреливать детишек. Соседскую девочку — шестилетнюю — убили. Я ее на руках в комнату внесла... Такая хорошая девочка была, косички, умница. Мать ее с ума сошла... В тот день я решила,что нет, не буду эвакуироваться, что не будет мне спокойствия пока...

— Понимаю, — прервала ее Аня, — понимаю.

III

К вечеру девушки вышли на берег широкой быстрой реки.

До наших оставалось не больше двадцати километров. Но теперь надо было перебраться на противоположный берег. Лесистый и обрывистый, он чернел в каких-нибудь двухстах метрах от того места, куда вышли из чащобы девушки.

Было уже совсем темно. Над полноводной северной рекой стояли темные леса. Высокие звезды отражались в ночной реке. И когда Аня нагнулась, чтобы напиться, и губами втянула холодную воду, ей показалось, что она вот-вот вместе с водой вберет и звезду, но та, отраженная, продолжала сиять на прежнем месте.

На другом берегу горели костры. Видно было, как черные фигурки суетятся около костров, подбрасывают хворост, подвешивают к треноге котелок. Девушки прошли вниз по реке метров двести.

Дальше снова были видны костры.

— Ох, погреться бы у костра, попить горячего чая и надеть легкие тапочки, — мечтательно сказала Аня.

— Тоже мне вояка! — снисходительно улыбнулась Марийка. И ей, особенно после болота, хотелось погреться у костра, но она боялась сознаться в этом подруге.

Вблизи от реки лежало несколько пова-

ленных сухих тонких деревьев... Видимо, кто-то из окрестных крестьян еще в прошлом году заготовлял себе дрова, да застигнутый какой-то бедой так и оставил их валяться на берегу.

Девушки стали вязать плотик... Пошли в ход и косынки и пояса, и гибкие ивовые ветви...

Через час плотик был готов...

— Ты веришь в гаданья? — спросила Марийка.

— Чепуха! — откликнулась Аня.

— Конечно, чепуха! — повторила Марийка и вспомнила, как вместе со своей подругой Паней Савватьевой в ночь под новый 41-й год они вышли на лед озера. Невдалеке от берега чернели свежесрубленные двухэтажные дома Пряжи. Девушки долго стояли в темноте, на морозе, прислушиваясь, откуда залают собаки... В ту сторону, стало быть, и предстояло выходить замуж.

— Аня! — тихо сказала Марийка, — если что-нибудь со мной случится, передай, пожалуйста, в Беломорск Васе, что я очень много о нем думала...

— Передам, — и Аня оттолкнула плот от берега. Марийка стояла на коленях, отталки-

ваясь от берега суковатой длинной палкой. Река была широкая и быстрая. Нескладно, наскоро сделанный плот уже метрах в десяти от берега стал распадаться, стволы уходили из под ног, косынка развязалась, холодная вода подобралась к щиколоткам. До противоположного берега было еще метров двести. Скоро плот совсем распался. На остатках его девушки добрались обратно к тому берегу, от которого только что отплывали.

— Плаваешь? — спросила Марийка у Ани.

— Конечно!

— Тогда надо будет переплывать. Холодновато, но зато к утру обогреемся уже у наших. Наедимся в четыре горла.

Девушки, не торопясь, разделись, оставив на себе только трусики. Марийка положила финские бумаги себе в берет и снова приладила его на голове. Все свое платье девушки связали в узелок, в который уложили и пистолет.

— Я поплыву с ним, — сказала Аня и, решительно тряхнув головой так, что кончики косичек подпрыгнули выше затылка, она вступила в реку.

Ступня ее ощутила прикосновение мелкого бархатистого рассыпчатого песка, холод почти ключевой воды.

— Ох, — сказала она, сделав шаг вперед, и погрузилась по горло в воду.

Марийка тоже вошла в реку. Она оттолкнулась ногами от дна и, глубоко вдохнув воздух, поплыла к противоположному берегу. От холода заныло все тело. Плыла она, выкидывая вперед руки и разводя их, как говорят мальчишки, по-лягушачьи.

Аня плыла быстрее, чем Марийка, но она была тоненькая, и ее скорее, чем Марийку, прохватил насквозь пронзительный холод.

Она взглянула вперед. Перед ней поднимался крутой лесистый берег. Отдельные деревья в темноте были неразличимы. Лес стоял плотной, темной, непроницаемой стеной. До этого берега было сейчас дальше, чем до берега, оставленного позади. Аня плыла и слышала ровное дыхание немного отставшей Марийки и плеск разрезаемой телом воды. Вдруг судорогой свело ее левую ногу. И сразу же испугавшись, она стала плыть, разгребая руками теперь вразнобой. Рот ее полуоткрылся, и она хлебнула немного холодной, невкусной воды. Слева она видела дробящееся в воде зыблемое отражение пламени костров. Оттуда раздавались громкие голоса.

— Вот крикну и спасут! — мелькнула у

нее мысль, и эта мысль сразу как-то успокоила ее. Она стала дышать ровнее и попробовала, может ли двигать левой ногой, но режущая боль судороги уже подобралась и к правой ноге.

— Если закричу — спасут, — снова мелькнула у нее мысль. И вдруг она страшно испугалась того, что она действительно закричит, и сбегутся от костров шюцкоровцы и спасут ее и схватят Марийку, и тогда все, что они узнали, вся их работа пойдет прахом; и Иван Власович тихо скажет себе:

— Напрасно я так понадеялся на этих девчонок.

И она вспомнила лицо Ивана Власовича, родное, трогательное и немножко смешное, когда он хочет казаться строгим. Нет!

— Марийка, — задыхаясь спросила Аня, — ты доплывешь? Доплывешь, Марийка?

— Доплыву.

— Ты все помнишь и про батареи, и про гарнизоны?

— Помню.

Берег был уже не так далек. Течение шло очень сильное и казалось, что берег быстро плывет им навстречу. Аня снова глотнула воды.

— Ой, закричу!

Костры горели попрежнему. И тогда, больше всего на свете боясь, что она закричит и ее спасут, Аня закусила правую руку чуть повыше кисти и почувствовала на языке солоноватый вкус крови. Марийка, подплывая к Ане, услышала последние слова подруги. Она увидела, как голова Ани ушла под воду и снова вынырнула, увидела блестящие знакомые глаза, закушенную руку. Подплыв к Ане, Марийка ухватилась за кончик косички и потянула ее к себе, но от чрезмерного усилия сразу потеряла дыхание и сама чуть не захлебнулась.

Холод колол ее тело тысячью острых каленых иголок, и она поняла, что если еще хоть минуту промедлит возле подруги, то и сама не выплывет.

Марийка подняла руку к голове. Берет был совсем сух. Под ним топорщились бумаги.

Часто и прерывисто дыша, чувствуя, что сердце бьется где-то словно у горла, Марийка подплывала к берегу. Она ухватилась обеими руками за выступавший далеко над водой узловатый корень старой сосны, подтянулась, выползла на берег и встала. Тело ее дрожало непрерывной мелкой дрожью. Разглядывая гладь реки, Марийка даже не замечала, что

зубы ее стучат.

Вода была темной.

— Аня, — тихо сказала Марийка, — так вот ты какая!

Не замечая времени, она стояла на берегу, разглядывая реку, зная, что некого ждать, и все же еще сердцем не веря в гибель подруги.

Потом она сняла берет, проверила, на месте ли документы финского штаба, положила шуршащую плотную бумагу обратно, натянула на голову берет и вдруг вспомнила, что ей не во что одеться.

Сверток с платьем утонул.

IV

Голодная, в одних трусах, Марийка упрямо шла по лесу, изредка проверяя направление по компасу. Ветви царапали тело в кровь, но она шла, не обращая внимания на царапины. Тело ее посинело от холода, губы побледнели. Густыми тучами носились вокруг острые, жалящие комары. Сначала она веткой отмахивалась от них, но потом перестала — все равно не отобьешься! И все тело казалось теперь одной большой зудящей раной. Днем, надергав мха с кочек и покрывшись им, она забылась коротким и тревожным сном, пригреваемая косыми лучами солнца. Внезапно она проснулась... Ей показалось, что она

забыла, в каком гарнизоне сколько белофиннов, что она забыла имена предателей... Тогда она стала перебирать в памяти места, где были расположены орудия, и имена, и все, о чем следовало рассказать своим. Но нет, хотя голова у нее кружилась от слабости, она хорошо помнила все, что следовало.

Она встала со своего разрытого ложа и, преследуемая комарами, пошла дальше...

На другой день, когда она лежала, прикрытая мхом, послышалась финская речь... Невдалеке от нее по дороге прошел неприятельский патруль. Потом проехал автомобиль. Ей не захотелось вставать. Была такая слабость, что, казалось, нет большего наслаждения, чем лежать так без движения, без дум, и самая мысль о смерти ей не казалась тяжелой. Но вдруг, словно электрический ток прошел по телу Марийки. Она вскочила и пошла. Ей вспомнилось милое, навсегда родное лицо, голубые глаза и какой-то незнакомый мотив песенки вепсов, которую любила напевать Аня...

Теперь она шла уже не нагибаясь, чтобы сорвать ягоды, потому что когда она нагибалась — ее тошнило, кружилась голова и, выпрямившись, ей трудно было снова определить, в какую сторону надо итти... Так она

добрела до большого завала, который тянулся влево и вправо на несколько километров, и сбоку от него начиналось топкое болото...

...Здесь пройду, — решила Марийка — и стала переползать через бревна. Сучья завала царапали ее, приподнять ногу казалось непосильным трудом... Она ложилась всем телом на бревно и затем медленно перевалива-валась на другую сторону... Там ей надо было несколько минут отдыхать, прежде чем снова повторить движение. Два или три раза она засыпала среди деревьев, а проснувшись, не понимала — утро сейчас или вечер. И взяв в рот сухую, горькую кору — снова начинала переползать через поваленные деревья со вздыбленными ветвями... Лежавшую почти без чувств, голую девушку около завала нашли наши разведчики.

Через три часа Марийку, укутанную в одеяла, уже отпаивали горячим чаем с коньяком. У нее пересыхали губы, и глаза тоже были сухи. И только через три дня, рассказывая медсестре об Ане, она вдруг вспомнила веселую косичку и робкий голос:

— Доплывешь?

Вспомнила руку, закушенную, чтобы не закричать — и заплакала горькими, обильными слезами...

Через некоторое время вражеские гарнизоны и батареи, о которых сообщила Марийка, были уничтожены партизанами. И вести об этом стали лучшим лекарством для лежавшей в госпитале девушки.

Месяц спустя, она написала в Кемь письмо своей подружке — однокласснице Пане Савватиевой о том, что ее наградили орденом. И среди воспоминаний о том, как они вместе ходили гулять на «Горку любви» в Пряже, как разговаривали о пушкинской Татьяне — были такие, написанные разбросанным, еще не выработавшимся почерком, строки: «Если бы не было войны, то сейчас мы с тобой учились бы уже в десятом классе... Вот было бы хорошо!».

V

На всю жизнь в памяти Даши Дудковой осталась эта минута, это прощание в предрассветной полумгле, когда Марийка, торопливо обняв, поцеловала ее в щеку, а затем повернулась и зашагала к лесной опушке. Пройдя шагов двадцать, она обернулась, помахала рукой подруге и, уже не оглядываясь, перескакивая с кочки на кочку, скрылась за деревьями. Уже давно исчезла в глубине чащи ее невысокая плотная фигурка, уже

солнце поднялось над лесом, а Даша все еще стояла, глядя в ту сторону, куда ушла Мария Мелентьева. По дороге домой Даша не раз рукой трогала в кармане комсомольский билет, в котором лежал плотный, вчетверо сложенный лист бумаги.

Весь вечер перед этим Маринка начинала писать какую-то записку. Но, видимо, ей ни как не удавалось написать задуманное, потому что она рвала написанное на мелкие клочки, снова писала и снова разрывала.

— Даша! — наконец сказала она, — ты, ведь все знаешь! Помоги мне, а то я очень волнуюсь, и у меня ничего не получается.

И впрямь было отчего волноваться Маринке.

Выздоровев, она стала требовать от тех, от кого это зависело, чтобы ее отправили назад в партизанский отряд.

— Я там нужнее, чем здесь! — говорила она. И может быть оттого, что в такие минуты она особенно ясно вспоминала Аню, ее синее сатиновое платьице в белую полоску, ее упрямый, резко очерченный рот и выгоревшие на солнце, совсем белые, как колоски, брови,—в голосе Марины звучала такая убедительность, что ее наконец решили послать

для связи в один из партизанских отрядов, действующих далеко в тылу врага.

Весь день она заучивала наизусть то, что следовало передать в отряд, а вот теперь вечером перед уходом хотела написать письмо Василию, с которым они вместе учились в школе, которого она любила и который любил ее не так сильно, как бы ей хотелось.

«Ну вот, Василий, — писала она, — через несколько часов я буду в другом мире, а ты будешь спать и совсем не вспомнишь о той девушке, которая любила тебя. Для тебя это не новость...» Но тут у Марийки перехватывало дыхание, и карандаш начинал дрожать в ее руке. «Видишь ли Вася, когда мы шли по лесу с Аней, мы много говорили о жизни и о любви... Я говорила ей о тебе...»

С помощью Даши письмо было дописано поздно вечером.

— Отдай ему через несколько дней, — попросила Марийка, ложась спать. Она подняла голову с подушки, чтобы еще что-то спросить, но Даша пригнула ее голову к подушке.

— Все равно отвечать не буду... Спи. Рано вставать надо...

Всю ночь Даша не спала, сидя у изго-

ловья подруги. Она должна была разбудить Марийку на рассвете и боялась проспать.

VI

Уключины были обмотаны тряпками, и не скрипели. Ночь стояла темная и холодная. В нескольких метрах впереди и позади нельзя было разглядеть ничего. И только потому, что Марийка знала, что позади движется другой карбас; она слышала легкий плеск воды. Кроме нее в лодке было еще трое разведчиков, фамилии которых она не знала, и по закону разведчика даже и не спрашивала. Одного из них — в шерстяном вязаном подшлемнике — звали Ваня, другого, не промолвившего ни слова за весь путь, — Саидом, у третьего же было странное прозвище «Пламенный привет».

— Почему его так зовут? — тихо спросила Марийка у сидевшего рядом на скамье Вани.

— Солнце взойдет — сама увидишь! — отозвался он, и Марийке в его ответе послышалась усмешка.

— И правильно, — укорила она себя — не надо спрашивать. .

В лодке, шедшей позади, сидели восемь бойцов с легким пулеметом. Им было поручено во что бы то ни стало провести Марий-

ку и ее спутников через линию фронта и самим возвратиться.

Даже и днем берега этого огромного озера скрывались за линией горизонта. В темноте же порой на середине озера вдруг казалось, что берег всего в нескольких метрах от карбасов, а когда он и в самом деле был уже вблизи, Марийке, натрудившей веслами руки, казалось, что темной, черной, густой и холодной воде конца и края не будет.

Гребли поочереди. Начав переправу в шесть вечера, к четырем ночи приблизились к противоположному берегу.

В это темное холодное утро финны не спали. То и дело над берегом быстро взлетали в черное небо и медленно опускались к сырой земле ракеты, на много верст освещая все вокруг ровным, немигающим зеленоватым светом. Луч прожектора шарил по кучевым плотным облакам и вдруг опускался вниз на гладкую, словно застывшее масло, воду. И когда он подходил близко к лодке, сердце Марийки опускалось, как бывает у человека на самолете, быстро теряющем высоту. Но уже почти доходя до лодки, луч внезапно уходил вправо. Потом светлое пятно бежало по сизым облакам. И тогда от сердца отлегало, и пригнувшиеся гребцы снова

распрямляли спины. Вдруг блуждающий луч набрел на первую лодку, прошел по ней влево и снова вернулся, точно поймав ее. И прежде чем Марийка успела что-нибудь сообразить, она почувствовала толчок и сразу очутилась в холодной пронизывающей воде.

Вода доходила Марийке до груди. Это Саид рывком перевернул кверху дном ладью — люди очутились в озере, и белофинским наблюдателям черная просмоленная лодка с поднятым кверху килем могла показаться одним из многих прибрежных камней. И сразу, поняв, что надо делать, бойцы с лодки, шедшей позади, открыли стрельбу по прожектору, отвлекая внимание на себя. С берега послышалась ответная стрельба. Луч прожектора поймал вторую лодку и застыл на ней. Дрожа от пронизывающего все тело холода, Марийка стояла, подогнув колени так, чтобы над поверхностью воды оставалась только одна голова.

Луч уже не бегал по озеру — он застыл, не выпуская из своих цепких об'ятий лодку с бойцами. Брызги, поднятые миной, разорвавшейся около второго карбаса, обдали лицо Марийки. Ваня тронул ее за локоть.

— Давай будем выбираться на берег! — тихо сказал он.

По ровному песчаному дну они побрели к берегу, пользуясь тем, что все внимание врага было приковано ко второму карбасу, который теперь отходил назад к восточному берегу.

Выйдя на берег и быстро пробравшись в прибрежный лесок, Марийка, выжимая платье, не отрывая глаз смотре́ла, как отходит карбас с товарищами обратно на тот берег, где было сейчас все, что дорого душе. Рядом с карбасом, почти у самого борта то и дело подымались вверх сверкающие в свете ракет зеленые фонтаны от разрывов мин.

Ухнул орудийный выстрел. Снаряд лег далеко впереди лодки. Где-то неподалеку дробно работал пулемет.

— Уйдет ли? — с тревогой подумала Марийка.

— Уйдут, теперь это не твоя забота — сказал Ваня, словно угадав ее мысли. — Твоя забота теперь—свое дело как следует сделать! Пойдем!

И они пошли вглубь леса на запад.

Если бы не холод от облегавшей тело мокрой одежды, то итти по этому лесу было

бы не трудно, потому что приходилось шагать налегке — заплечные мешки утонули, и не было времени разыскивать их на дне озера. Оставалось лишь по несколько сухарей в карманах. Только у одного «Пламенного привета» был автомат с диском, у других же лишь тульские пистолеты Токарева.

— Ничего, пойдем! — подбодряя других, сказала Марийка, — и то счастье, что нынче уже поздно — комаров нет!

—А то как же! — улыбнулся «Пламенный привет» — тоже совсем молодой парнишка... — Я ведь лодку сейчас так накренил, что она обязательно затонет. Даже никто и не подумает, что две было... И место подметил, чтобы в случае чего обратно выбираться!

— Ты раньше туда дойди! — перебил его Ваня, опуская вязаный подшлемник.

Когда солнце поднялось высоко, разведчики легли отдыхать, зарывшись в мох. Устраиваясь поудобнее, «Пламенный привет» снял пилотку и положил ее под голову... У него была густая, ярко-огненная шевелюра. Марийка никогда не видела таких рыжих волос. Поймав взгляд Марийки, он улыбнулся и произнес: — Спокойной ночи! Привет!

— Теперь понятно, почему его так прозвали,—обрадовалась Марийка. Они спали,

согревая друг друга теплом своего тела. Один поочереди дежурил. Укладываясь поудобнее, Марийка подумала о том, что Даша уже встала и пошла на работу, а письмо она передаст Василию только завтра...

С этой мыслью она заснула, и плечо товарища казалось ей мягче, чем маленькая девичья подушка на кровати в комнате в Беломорске.

VII

Так шли они, обходя стороною редкие, обезлюдевшие деревушки. Ели крупную багряную бруснику, сладковато-горькую рябину и кое-где еще сохранившиеся ягоды пьяной гоноболи. У одной глухой ламбушки Ваня бросил в воду двухсотграммовую шашку тола, и через несколько минут они собрали штук двадцать щучек, окуньков, линьков и сижков. Марийка поджарила рыбу днем на маленьком костре из сухих сучьев, предварительно содрав с них кору, чтобы не было дыма. И хотя у них не было ни щепотки соли, рыба показалась им чудесной.

На четвертые сутки такого блуждания по лесу, когда уже больше чем полпути к условленному месту было пройдено, — они приблизились к деревушке Топорная гора.

На небольшом совещании было решено.

что Ваня, не заходя в деревню, пойдет дальше и в десяти километрах остановится, чтобы подождать остальных.

— Если через десять часов мы не догоним тебя, иди дальше один, — сказала Марийка. — Значит, нам не удалось достать в деревне ни хлеба, ни соли, или еще того хуже пришлось.

Марийка одна из всей группы говорила по-карельски и по-фински. Кроме того, она еще знала английский язык. Раньше в Пряже работало много канадских лесорубов — их дети учились в школе, — Марийка с ними дружила, и к тому же в Пряжинской школе английский язык был обязательным предметом.

— Я пойду в деревню одна! — сказала Марийка товарищам, — вы меня здесь за околицей ждите.

— Ну нет, не на таких напала! Мы тебе защитой будем, — грубовато сказал «Пламенный привет».

Так и сделали. Ваня пошел дальше, а двое разведчиков с Марийкой притаились среди кочек леска около деревни и, наблюдая через косой плетень за тем, что происходит на деревенской улице, дожидались сумерок.

Солнце садилось далеко за озером, и ма-

ленькие окна бревенчатых изб, украшенные резными наличниками, горели, отражая дальний неуемный пожар заката.

Ослабевшая от нескольких голодных суток, Марийка с трудом поднялась по крутым ступенькам высокого скрипучего крыльца и, потянув щеколду, вошла в темные сени. За нею, нагибая голову, чтобы не удариться о низкую притолоку, вошел в сени Саид. «Пламенный привет» шел позади, держа палец на гашетке автомата. Из горницы раздавались громкие голоса. Марийка вошла в комнату и сразу окинула ее взглядом.

Несколько женщин, сидя на лавочке и суча нитку кудели, вели между собой оживленную беседу. Два старика с окладистыми седыми бородами сидели молча около окошка. Девушка с толстой косой налаживала чадившую лампадку. Когда Марийка вошла в комнату и следом за ней появился Саид, беседа сразу притихла. Девушка отставила в сторону лампадку, повернулась к Марийке и радостно воскликнула:

— Ты от наших, правда?

И не успела Марийка промолвить и слова, как все повскакали с мест, обступили ее и стали расспрашивать:

— Ну, как там? Да как ты решилась

сюда притти? Здесь и без всякой вины в беду попадешь! Где наши сейчас стоят?

На эти, и еще на десяток других жадных вопросов Марийка должна была сразу же ответить. И так радостно было ей говорить правду этим запуганным, обездоленным женщинам. Все они были так увлечены разговорами, что никто не заметил, как из горницы вышла кривая старуха. В сенях она увидала разведчика, стоявшего у дверей. Старуха знаками показала «Пламенному привету», что ей необходимо по большой нужде в отхожее место, которое было тут же в коровнике и отделялось от сеней невысокой дощатой перегородкой. А в горнице девушка с толстой косой подошла вплотную к Марийке.

— Дорогая! Возьми меня с собой, умоляю тебя! — взмолилась она.—Все, что угодно, я буду там делать. Только вызволи отсюда, — и она опустилась на колени перед растерявшейся Марийкой.

— Ой, жонки, — вдруг спохватилась седая, розоволицая хозяйка избы, — а куда же Петровна скрылась?

И все переполошились.

— Не иначе, как к финнам побежала... У нее сын ведь еще в двадцать втором году в Финляндию убежал. Недавно нашла его.

Посылку прислал ей... Вот она всей душой к ним и прильнула... Быть беде!.. — быстро, перебивая друг друга, затараторили женщины.

— Голубушка, что ж ты стоишь, иди скорее! — торопили они Марийку... — Иди прячься... — И, говоря это, они совали ей в руки куски хлеба. Хозяйка избы вытащила из печи котелок с картошкой и, обжигая пальцы, стала запихивать в карманы Марийке и Санду горячие, дымящиеся картофелины.

— Эх ты, «Пламенный привет», что ж ты ее выпустил? — с упреком сказала Марийка, быстро выходя в сени.

— Да не выпустил, она здесь! — весело ответил разведчик и, с силой выдернув задвижку, распахнул дверь в уборную.

Она была пуста. Две большие доски были отодвинуты в сторону.

— Ух ты, сволочь! — выругался «Пламенный привет» и выскочил на крыльцо вслед за Марийкой.

Вместе с Санду она уже шла по улице. Сбегая по ступенькам, «Пламенный привет» вдруг увидел, что из-за угла, навстречу Марийке, вместе с кривой старухой вышло несколько финских солдат, один из них держал на поводке повизгивающих собак. «Пламенный привет» поднял автомат и дал

по солдатам длинную очередь. Несколько белофиннов упало. Другие забежали за угол двухэтажной избы.

Марийка быстро повернула к баням, стоявшим у ручья, за которыми начинался лес на болоте. «Пламенный привет» большими размашистыми шагами побежал туда же... Несколько выстрелов раздалось им вслед.

— Ну, вот и попались! — тихо сказал Саид, проверяя, сколько патронов осталось в обойме его пистолета.

— Уйдем! — уверенно бросил «Пламенный привет».

Но в эту минуту они услышали заливистый лай собак на дворе.

— Не уйдем! — прислушиваясь к лаю, сказала Марийка... и потом добавила: — Надо итти назад, в другую сторону, чтобы не подводить Ваню.

И они пошли, перескакивая с кочки на кочку, проваливаясь в болото, обратно на восток.

— У меня, Марийка, в Чистополе на Каме у самого берега домик есть. И там жена моя, Айша, — сказал Саид, — один только год мы с ней прожили, Марийка. Глаза у нее черные и голос тоже совсем другой, а все ж таки, когда я смотрю на тебя — чем-то ты

очень на нее похожа. Если что, Марийка, разыщи ее и скажи, что в последний мой час думал я о ней. Пусть она замуж выйдет за Юлаева. Он хороший парень. А ругал я его потому, что ревновал Айшу.

— Ладно, скажу. Все скажу, — ответила Марийка, и вспомнила, как на берегу реки сама просила Аню рассказать обо всем Васе. — Ладно, скажу, — еще раз повторила она.

Собачий лай раздавался сейчас совсем близко. И не успела Марийка перескочить еще несколько кочек, как сзади в подол ее юбки вцепилась зубами овчарка. Марийка остановилась и выстрелила в собаку. Раздался жалобный вой, собака разжала челюсти.

Марийка пробежала еще несколько шагов, но с другой стороны также послышался лай. Слышны были голоса и грубая ругань на финском языке.

Марийка остановилась.

Навстречу из леса шли солдаты с собаками. Саид лег в болото. Рядом с ним улегся «Пламенный привет». Марийка тоже опустилась на сырую ржавую землю.

— Товарищи! — тихо сказала она. — Товарищи! Сейчас ночью в Кремле Сталин не спит. Сейчас ночью он думает о нашем

народе, о нас, которые здесь в болоте лежат, и о тех, кто на подводных лодках в глубине морской, и о тех, которых мы должны спасти. Товарищи!..

— Не надо говорить, ничего не надо говорить, Марийка. — мы все знаем! — отозвался Саид.

И в это время раздалась горячая очередь из автомата.

«Пламенный привет» работал точно. Человек шесть финнов подкошенные упали и больше уже не поднимались. Послышались стоны. Потом все смолкло и только слышно было, как жалобно чавкает болотистая почва и повизгивают сдерживаемые собаки. Солдаты подползали к кочкам, между которыми таились разведчики. Потом финны начали стрелять. Огонь был плотный. Марийка прижалась плашмя к холодной сырой земле.

— Последнюю пулю сберегу, — решила она.

Над самой ее головой теперь нависал кустик брусники, отягощенный тяжелыми ягодами.

— Как мама бывала довольна, когда я приносила такую для варенья, — вспомнила Марийка.

Тепло от горячей картошки, наполнявшей

карманы, доходило до тела. Марийка вытащила из кармана полураздавленную картофелину и откусила кусок... Но теперь почему-то не хотелось есть. Вот выпить она бы могла сейчас целый ковш. Брусника, наверное, утолит жажду. Пули посвистывали в нескольких вершках от нее. Марийка хотела сорвать ягоды, но не успела поднять руки, как кустик свалился в сторону, срезанный острой пулей.

— Они шли с собаками. Охотились за нами, наверное, с самого берега, — подумала Марийка, — значит хорошо, что мы с Ваней разделились. Они могут подумать, что нас только трое, и никого больше не было, и остановятся. Подольше бы только продержаться!

И вдруг снова раздалась очередь автомата. «Пламенный привет» бил безостановочно.

— Чего ты торопишься, экономь! — прикрикнул на него Саид. Но тот не отвечал и продолжал стрелять.

Он был убит и в предсмертных судорогах пальцем нажимал на гашетку автомата. Палец его не распрямился и после того, как окончился диск.

Еще бился в руке убитого товарища автомат, когда в двух шагах от Марийки выросла

фигура финского солдата. Марийка прицелилась и выстрелила. Солдат рухнул на землю, но в то же мгновение что-то тяжелое обрушилось сзади на Марийку и вдавило ее в зыбкую землю. Теряя сознание, она успела еще крикнуть.

— Смерть лахтарям! — и услышала гортанный голос Саида, выкликавшего по-татарски проклятия.

Очнулась она уже на рассвете в холодном и темном подвале. Голова тяжело ныла. Рассеченная нижняя губа кровоточила, мокрое платье было разодрано.

Рядом во тьме стонал человек.

— Саид? — окликнула Марийка.

— Ты жива? — спросил Саид, — лучше бы ты уже умерла!

Они лежали молча на холодной влажной земле. И в наступившей тишине только и слышны были шаги часового, ходившего взад и вперед около дома. Время потянулось в молчании, продолжавшемся может быть несколько минут, а может быть и несколько часов.

Марийке казалось, что от боли у нее разорвется голова. Желая унять сочившуюся на губе кровь, Марийка оторвала лоскут от подола и при этом ей вспомнилось, как она

в позапрошлом году торопилась, чтобы успеть сшить это платье к первомайскому празднику. Потом ей привиделась подушка, на которой она спала в день выхода, и ей очень захотелось, чтобы эта подушка сейчас была под головой.

— Марийка! — окликнул ее вдруг Саид.— Спасибо тебе за те слова в болоте. Тогда я сказал — не надо говорить — сам знаю. Это правда. А все ж таки спасибо, что сказала!

— Послушай, — молвила Марийка, — сколько мог пройти Ваня? Мы десять часов лежали у деревни. Потом разговор — час, да бой — час. Теперь, наверное, утро наступает. Сколько времени мы здесь?

И они стали шопотом подсчитывать, далеко ли успел уйти Ваня. То, что он был теперь, вероятно, ближе к условленному месту, чем к деревушке, в подвале одной из изб которой они были заключены, — радовало их сейчас и успокаивало больше всего на свете. Захотелось есть. Марийка вытащила из кармана две картошки и протянула одну Саиду. Картошка была вкусная, рассыпчатая, и только из-за рассеченной губы было больно откусывать. Над головой заскрипели доски и застучали сапоги. Послышались голоса. И среди других фраз Марийка услышала:

— Посмотри там, очнулись они или нет? Если пришла в себя — доставь сюда. Девушка будет разговорчивее, чем этот чортов татарин!

Со скрипом поднялся квадрат люка. Яркий свет ударил в глаза Марийке. Но сразу же она застонала и закатила глаза под веки. Спустившийся в подполье солдат толкнул ее в бок ногой. Она не шевельнулась. Солдат поднес к лицу девушки карманный фонарик. Веки ее были плотно смежены. Солдат прикрикнул: — Вставай... — Она не ответила. Тогда он, кряхтя, полез наверх и с силой захлопнул крышку люка.

— Для чего ты так сделала? — спросил Саид. — Муки боишься? — Все равно не уйдешь, для чего ж тянуть?

— Ване каждая лишняя минута дорога!

— Ты хорошая девушка! — сказал Саид.

...Прошло еще несколько часов, прежде чем их вытащили из подвала, вывели на деревенскую улицу и поставили около плетня поблизости от большой избы.

Недавно прошел дождь — дорога была грязная и вязкая, но небо было уже синее, и в большой луже перед домом отражались бегущие по небу облака. Марийка огляну-лась. Казалось, вся деревня вымерла — ни

одного жителя не виднелось на улице. Лишь вблизи стояло несколько солдат. Саид едва держался на ногах. Взглянув на него, Марийка содрогнулась — лицо его было неузнаваемо — сплошная кровоточащая рана.

— Неужели так и у меня будет, — подумала Марийка — и ей, так недавно печалившейся из-за нескольких веснушек на лице, — стало страшно.

— Ну, девушка, — вежливо сказал финский офицер — ты мне сейчас ответишь на вопросы.

Он говорил по-русски. Марийка ответила по-фински, чтобы все стоящие поблизости солдаты понимали разговор.

— Смотря какие вопросы будешь задавать.

— Так ты финка? — удивился офицер, — ну, тогда другой разговор!

— Я карелка.

— Это тоже не плохо. Одним словом твоя жизнь в твоих руках. Откуда вы пришли?

— Мы — народ! Мы — здешние!.. А если бы мы на минуту раньше из деревни вышли, так вы ни за что бы не взяли нас! — вдруг добавила она.

Офицер посмотрел на ее бледное, худое

теперь лицо, на синюю, рассеченную, кровоточащую губу, на спутанные волосы, на оборванное платье и засмеялся.

—Ну нет! Я за вами с собаками от самого берега шел. Минута-другая тут роли не играет!

И Марийка поняла, что офицер ничего не знает про Ваню, что они остановили погоню и, приняли ее на себя. И от этого сознания ей стало легко и радостно, словно не смерть ее ждала сейчас, а большая радостная удача. И лицо ее просветлело. Голубые глаза засияли.

Удивленно глядя на нее, офицер продолжал допрос.

— Сколько вас было? Трое?

— Ну, нет! Нас не только трое! Нас больше, чем тебе кажется!

— Не обманешь! — усмехнулся офицер, — один из вас в болоте лежит — значит осталось двое, а теперь, — он вытащил из кобуры пистолет и выстрелил прямо в лоб Саиду, — а теперь ты одна осталась!

Саид упал навзничь. Он лежал в грязи дороги у ног Марийки. Девушка покачнулась, слезы подступили к глазам. Она ухватилась рукою за неровные жерди косого плетня. Переводя дыхание, она взглянула на облака.

бежавшие по высокому голубому небу. И перед ней возникло лицо Ани, когда она спросила: — Доплывешь?

— Доплыву, — прошептала Марийка и заплакала.

— Вот плачешь, — сказал офицер, довольный произведенным впечатлением, — а если будешь хорошо вести себя, мы дадим тебе возможность и порадоваться!

— Я и сейчас радуюсь! — громко, чтобы слышали солдаты, сказала Марийка, — я и сейчас радуюсь тому, что порученное мне задание выполнено, а плачу я от злости, что не могу убить тебя, немецкую собаку!

И в ее широко открытых глазах, наполненных слезами, глядящих на него в упор, офицер увидел такую неумолимую ненависть, что внутренне содрогнулся. Подняв пистолет, он отвел в сторону глаза и, не целясь, выстрелил в Марийку. Резко повернувшись к стоящим чуть поодаль солдатам, он вдруг увидел лицо старой женщины, прильнувшей к стеклу маленького окошка избы на другой стороне улицы, и во взгляде ее он прочитал ту же ненависть, что была и в больших голубых глазах застреленной им девушки. И тогда он снова выстрелил в уже лежавшую неподвижно, рядом с Саидом, Марийку и

стрелял до тех пор, пока не окончились патроны в обойме.

***

Ваня дошел до отряда и выполнил то, что было поручено. От него мы узнали, как умерла Марийка. Ему рассказали об этом жители деревни, которые похоронили девушку и ее погибших товарищей. Рассказ этот был подтвержден показаниями взятого в плен финского солдата, который присутствовал при последнем допросе и был свидетелем последних минут жизни Марии Мелентьевой...

***

Пройдут года. Многое из того, что волнует сейчас нас, — забудется. Но как горные вершины становятся яснее и виднее при удалении от них, так и для нас многое станет еще яснее и выше. И простые карельские девушки — Анна Лисицына и Мария Мелентьева, которые учились рядом с нами, с которыми мы играли в волейбол, которые и письма к любимым писали неумелые и наивные, останутся навсегда в памяти человеческой, как подлинные народные герои, сумевшие в дни, когда решались судьбы Родины, жить и «отдать душу свою за други своя».

Государственная историческая библиотека

ОИК-74285

Товарищи читатели! Издательство просит Вас прислать отзыв о прочитанной книге по адресу:
г. Беломорск, Советская 12,
Госиздат Карело-Финской ССР

Редактор С. Сулимин

Подписан к печати 23 октября 1943 г. Е 02568
Печатн. листов 1,67. Учетно-авт. листов 1,66
Тираж 1000. Госиздат №139. Заказ № 120.

Государственная типография Тегозеро.

Цена 50 коп.